

Матвеева Н. Г.

*Белорусский государственный медицинский университет
Беларусь, Минск*

УПОДОБЛЕНИЕ ФОРМ СЛОВА И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ

В статье рассказывается о колебаниях в словоформах, о неустойчивости морфологических норм русского литературного языка и причинах этого, о функциональных особенностях морфологических вариантов.

Ключевые слова: воздействие грамматической аналогии, упрощение морфологического строя, неодинаковые результаты стремления к унификации, продолжительное колебание форм, смысловая специализация.

Matveeva N.G.

*Belarusian State Medical University
Belarus, Minsk*

WORD FORMATION AND FUNCTIONAL FEATURES OF MORPHOLOGICAL OPTIONS

The article tells about fluctuations in word forms, about the instability of the morphological norms of the Russian literary language and the reasons for this, about the functional features of morphological variants.

Keywords: impact of grammatical analogy, simplification of the morphological system, unequal results of the desire for unification, prolonged fluctuation of forms, semantic specialization.

Хотя морфологический строй русского языка основательно исследован как с исторической, так и с описательно-структурной стороны, в современной речевой практике возникают тысячи вопросов относительно правильности употребления тех или иных форм слова. Немало часов уделяется изучению морфологии в школьной программе. Однако морфологическая система русского языка нередко рассматривается как нечто статичное, неизменяемое. В школьных и даже вузовских грамматиках, главной целью которых является описание типичного, регулярного и стабильного, анализ многих противоречивых и динамически неустойчивых фактов современной речи отодвигается на второй план.

Иногда учитель сознательно обходит трудные случаи вариантности в морфологии. Естественно, это не только не способствует проникновению в сложный механизм развития языка, но и отчасти делает сам процесс преподавания сухим, малоувлекательным.

Колебания в словоформах и неустойчивость морфологических норм русского литературного языка объясняется различными причинами, одни из которых восходят к историческому прошлому языка (даже к его древнему строю), а другие представляют собой абсолютные и непреходящие закономерности живого, развивающегося языка.

Известно, что в процессе длительного и сложного развития морфологическая система русского языка претерпела существенные изменения. Могучее воздействие грамматической аналогии вело к уподоблению параллельных форм, к убыванию вариантности и, в конечном счете, к упрощению морфологического строя. Однако результаты этого стремления к унификации оказались неодинаковыми. Если иметь в виду самую общую закономерность, то можно сказать, что влияние продуктивных грамматических категорий отразилось в первую очередь на судьбе сравнительно малоупотребительных слов, не имевших к тому же значительной и твердой опоры в письменной традиции.

Так, например, притяжательные прилагательные с суффиксом *-ин* (*мамин, бабушкин* и т.п.) в родительном и дательном падежах мужского и среднего рода прежде имели формы с кратким окончанием. Нормой было: *у мамина стола, к мамину столу, у бабушкина кресла, к бабушкину креслу*. Например: *Из хозяйкина кармана было тут тысячи три, не больше* (Чернышевский. Что делать?).

Однако сейчас эти формы уже едва ли соответствуют речевой практике. Они активно вытесняются полными формами: *у маминого стола, к маминому столу, у бабушкиного кресла, к бабушкиному креслу* и т.п. Этот процесс, как отмечает известный лингвист В.И. Чернышев, начался еще в XIX в. Приведем некоторые примеры из его книги «Правильность и чистота русской речи» (1915): *Отец уже сидел... возле матушкиного кресла* (Тургенев. Первая любовь); *Алексей Степаныч... вызвался пособить сестриному горю* (С.Аксаков. Семейная хроника). Подобные же формы употребляли Достоевский, Лесков, Салтыков-Щедрин. И все же В.И. Чернышев считал такое склонение притяжательных прилагательных неправильным, хотя тут же замечал, что оно встречается «не только в современной периодической печати, но даже у знаменитых писателей». Сейчас, конечно, полностью победила эта («неправильная!») полная форма. Ср. у современных писателей: *На палубе один из них стер*

полотенцем кровь с расшибленного Петькиного лба (Лавренев. Срочный фрахт); *Никита прислонился головой к матушкиному плечу* (А.Н. Толстой. Детство Никиты); – *Придется потерпеть до маминого приезда* (Карпов. Сдвинутые берега).

Причиной замены краткого окончания родительного и дательного падежей (*сестрина, сестрину*) полным (*сестрино, сестриному*) у прилагательных мужского и среднего рода на *-ин* явилось постепенное ослабление продуктивности группы прилагательных с суффиксами *-ов* и *-ин* и, как следствие этого, подравнивание их к склонению более жизнеспособных прилагательных с полными окончаниями. Впрочем, притяжательные прилагательные на *-ов* и *-ин* (в меньшей степени на *-ин*) вытесняются прилагательными с более продуктивными суффиксами (*отцовский, материнский* и т.д.), а также конструкциями с родительным беспредложным.

Сравнительно быстро устраняются и другие избыточные (т.е. не имеющие особой функциональной нагрузки) варианты морфологических форм. Так, значительно сузилась сфера вариантности в родительном падеже множественного числа у слов среднего рода с основой на *-ц*. В литературном языке XIX в. практически равноправно употреблялись: *зеркалец* и *зеркальцев*, *одеялец* и *одеяльцев*, *полотенец* и *полотенцев* и т.п. В современном языке колебания встречаются практически только у шести подобных слов: *волоконце*, *донце*, *копытице*, *корытице*, *поленце*, *щупальце*. Ср.: *Несколько волоконцев белого мягкого куриного мяса...* (Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке); *Колебания волоконце вызывает раздражение особых чувствительных клеток* (Кабанов. Учебник анатомии и физиологии человека).

Предпочтительность форм с нулевой флексией (*полотенец* и т.п.) и функциональная незагруженность варьирования типа *волоконце* – *волоконцев* дают основания предполагать в последующем полную унификацию таких форм и утверждение в качестве нормы вариантов с нулевой флексией (*волоконце, корытец* и т.п.).

Однако во многих случаях мы сталкиваемся с очевидным фактом продолжительного колебания форм. Это, во-первых, касается слов с устойчивой книжно-письменной традицией и, во-вторых, тех морфологических вариантов, которые обладают определенными функциональными особенностями. Наличие дополнительной нагрузки не дает оснований считать такие формы полностью избыточными и как бы оправдывает длительность сосуществования вариантов.

В чем же выражаются эти функциональные особенности

морфологических вариантов?

При сравнительном анализе нередко обнаруживается противопоставленность общелитературного варианта форме, характерной для научной или профессиональной речи. Моряки придерживаются варианта *рей* (а не *рея*), специалисты-медики обычно употребляют форму *спазм* (*спазм кровеносных сосудов*), а не *спазма*, как это принято в обиходной речи и художественной литературе (вариант *спазма* зафиксирован у Достоевского, Л. Толстого, Короленко, Брюсова, М. Горького, А.Н. Толстого, Леонова, Серафимовича, Шолохова, Паустовского). Выраженную приуроченность к профессиональной речи обнаруживают многие новообразования именительного падежа множественного числа на *-á* (*-я́*), например: *вентилья́, дизелья́, клапаня́, ниппелья́, пульманя́, рашипилья́, ригелья́, стапелья́, танкеря́, штуцеря́* и т.п.

По сравнению с литературным языком XIX в. значительно сузилась сфера употребления инфинитивов на *-ть* (типа: *нести́, отвезти́, произнести́, цвести́* и т.п.). Между тем в конце XVIII–середине XIX в. формы инфинитива на *-ть* не только количественно преобладали, но и были нейтральны в стилистическом отношении. Они приводились в словарях в качестве общепринятых образцов, их без намеренной стилизации употребляли писатели-классики, например: *Нанести́ оскорбление* (Гоголь. Мертвые души); *Принести́ большое удовольствие* (Достоевский. Униженные и оскорбленные); *Вы приезжайте, когда у меня сад будет цвести́* (Чехов. Письмо А.С. Суворину). Ср. у Пушкина:

*Но Ленский, не имев, конечно,
Охоты узы брака нести́,
С Онегиным желал сердечно
Знакомство покоро́че свести́.*
(«Евгений Онегин».)

Однако варианты на *-ть* не ушли из языка художественной литературы и сохраняются на правах особого стилистического средства, так называемого «литературного просторечия». В этом случае их употребление мотивировано речевой характеристикой персонажей или служит для достижения естественности и непритязательности повествования. Например: *После обеда бабы начали грести́* (Шолохов. Тихий Дон); *Сегодня старухе не принести́ молока из деревни* (Пришвин. Времена года).

При изучении морфологических норм весьма существенно учитывать грамматическую зависимость выбора вариантов. Например, слово *народ* (в значении «нерасчлененное множество людей») стойко сохраняет форму на *-у* в количественно-разделительном значении родительного падежа

(обычно в сочетаниях: *много, мало, уйма, тьма* и т.п. *народу*). Вариант *народу* в этом случае преобладает и в современной художественной литературе. С другой стороны, при отложительном или выделительном значении родительного падежа нормативной является только форма на *-а* (*из народа, среди народа* и т.п.). Данные социолингвистического обследования убедительно свидетельствуют о резко выраженной синтаксической обусловленности вариантов предложного падежа на *-е* и на *-у*. Форма *в снегу* преобладает при употреблении в функции обстоятельства: *Вороны ищут корм (где?) в снегу*; форма *в снеге* – при употреблении в функции дополнения: *Живописности (в чем?) в снеге нет*. Известно также, что применение вариантов предложного падежа на *-е* поддерживается наличием определяющих слов, которые ослабляют обстоятельственное грамматическое значение. Ср. употребление вариантов *в бреде – в бреду* у одного автора; *Арбузов забылся в прерывистом, тревожном, лихорадочном бреде. Но в бреду, как и наяву, он испытывал такую же чередующуюся смену впечатлений* (Куприн. В цирке).

Вариантность форм родительного падежа сохраняется нередко в определенных синтаксических конструкциях (*без разбору – без разбора, спору нет – спора нет*), причем для многих фразеологизмов форма на *-у* является предпочтительной или даже единственно возможной (*не до жиру; ни слуху ни духу; дать маху; не за понюшку табаку* и т.п.). Стойкая вариантность в предложном падеже привела во многих случаях к достаточно отчетливой смысловой и синтаксической закреплённости форм на *-е* и на *-у* (*на краю оврага, но на переднем крае; готовить на газе, но на полном газу и т.п.*). Конструктивная обусловленность обнаруживается и у вариантов именительного падежа множественного числа *годы* и *года*. Форма *годы* (в отличие от *года*) употребляется в сочетании с существительным в родительном падеже (*годы войны, молодости, учебы* и т.п.), с порядковыми числительными для обозначения десятилетия (*семидесятые годы*) и в конструкции *за последние годы*.

При разграничении дублетных морфологических форм справедливо указывают на их смысловую специализацию: *лагеря́* (пионерские, туристские) и *ла́гери* (общественно-политические группировки), *образа́*(иконы) и *о́бразы* (изображения; литературные типы, характеры).

Особенно часто традиционные морфологические варианты закрепляются за переносным значением слова. Например, в прямом значении слова *тормоз* употребляют форму *тормоза* (*нажать на тормоза*), а в переносном – обычно *тормозы* (*тормозы общественного развития*). В значении ‘придавать твердость путем нагревания и быстрого охлаждения’

предпочитается вариант *закаливать*, а в значении 'делать стойким, выносливым' – традиционная форма *закалять*.

Хотя стремление к смысловому расподоблению действительно сопутствует морфологическому варьированию и его следует учитывать при нормативных рекомендациях, оно далеко не всегда приводит к конечному результату – строгому закреплению варианта за определенным значением. Более того, часто смысловые разграничительные тенденции заглушаются воздействием продуктивного с формальной стороны варианта. Так, уже появляется в печати форма *тормоза* и в переносном значении слова: *охранительные тормоза, нравственные тормоза*. Постепенно выходит из употребления непродуктивная форма *уголья* (так говорили о тлеющих кусках дерева), заменяясь общепринятой формой *угли*.

Литература

1. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. - М.: 2012. – 304 с.
2. Горбачевич, К.С. Нормы современного русского литературного языка / К. С. Горбачевич. - М.: 1989. – 208 с.
3. Розенталь, Д. Э. Словарь трудностей русского языка /Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: 2017. – 832 с.